

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

АВТОНОМОВА Н.С. ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕВОД. ОПЫТЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА.

— М.: Российская политическая энциклопедия
(РОССПЭН), 2008. — 704 с.

А.П. ЛЮСЫЙ

«Кто-то скажет: перевод тем лучше, чем больше он смог учесть всего понемножку: немножко автора, немножко читателя, немножко ситуацию создания, немножко ситуацию рецепции и так далее», — отталкивается автор этой книги от непродуктивной на ее взгляд переводческой позиции. Не грех вспомнить по этому поводу и размышления Агафьи Тихоновны из гоголевской «Женитьбы»: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколь-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась. А теперь поди подумай!».

Россия по-прежнему находится в ситуации переводческого выбора философского мужа, и книга вольно или невольно приобретает характер особой познавательной комедии (каковая, согласно Гегелю, представляет собой высший жанр художественного познания). Вот если бы, продолжим и мы в отмеченной модальности, книга начиналась с того, чем она заканчивается, с изложения краткой истории переводческой деятельности на Руси и определения места перевода в структуре познавательной деятельности как таковой, она выглядела бы как «традиционная» научная монография. Однако Наталия Автономова в первом разделе своей книги «Познание и язык» сразу же погружает читателя в атмосферу конкретных переводческих страстей, органично влетая сюда и свой личный сюжет непростого, поначалу вынужденного приобщения филолога по базовому образованию к переводу философской литературы, а потом и к философской интерпретации.

Любите ли вы Мишеля Фуко так, как я люблю его, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом? Первым из «женихов», несмотря на его «нетрадиционность», или скорее даже благодаря ей, на сцену выходит именно Фуко, что вполне соответствует и реальной истории «сватовства». Вы же, конечно, помните, кем был некогда преподнесен он нашему интеллектуальному сообществу в виде

его «Слов и вещей»? Ею же, сразу же вполне обессмертившей тем самым свое переводческое имя Наталией Сергеевной. Значение появления этой книги в 1977 г. для интеллектуального сообщества вполне сопоставимо в литературной сфере с публикацией «Одного дня Ивана Денисовича» или «Мастера и Маргариты», и сама публикаторская история выглядит, пожалуй, едва ли не более невероятной, во всяком случае, имеющей свою «детективную» составляющую. Сейчас, конечно, более актуальным предстает описание самой переводческой работы над этим произведением философа, а потом и другими его работами.

Поучительна изложенная в особом разделе книги история личных отношений переводчицы с оказавшимся таким «роковым» для отечественной гуманитарной мысли (наверное, как некогда табак для Европы, если не касаться специфических внебрачных болезней) терминологическим заимствованием «дискурса» (*discours*). И для нее самой слово это стало средоточием ряда сложностей. Дело в том, что именно в творчестве Фуко запечатлелись два важнейших этапа существования этого французского понятия, с фактическим раздроблением при этом на два разных понятия: с одной стороны, логико-лингвистическая развертка представления, последовательное выражение мысли посредством слов и предложений; с другой — социально регламентированное высказывание, совокупность социальных и идеологических ограничений, определяющих, кто, что, кому, каким образом и при каких обстоятельствах может или не может говорить. Преобладающий в «Словах и вещах» *discours* (1) был переведен как «дискурсия», а *discours* (2) (внешне они неразличимы) — как речь, реже — как собственно «дискурс». «Как это ни парадоксально, этот социально-идеологический дискурс как раз “недискурсивен”: во всяком случае, он противоположен “дискурсивности” в логико-лингвистическом смысле слова. А потому к этому новому дискурсу следовало бы применять скорее прилагательное “дискурсный”, оставив прилагательное “дискурсивный” для обозначения логико-лингвистического упорядочения речи, рассуждения...» (С. 379). Однако добиться такого различения в русском языке Автономовой пока не удалось. В результате «первый, логико-лингвистический дискурс умер естественной смертью, а второй, языково-социальный, превратился в слово-“зонтик”, который может значить все на свете», как бы вернувшись к исходному латинскому слову *discurro* — разбегаться в разные стороны.

Что же касается общего урока так или иначе переведенного, шедшего от «археологии знания» к «генеалогии власти» Фуко для России — он заключается в том, что знание — это не убежище от социального порядка, но его средоточие. То же относится и к человеку, суверенный внутренний мир которого оказывается весьма иллюзорным укрытием, поскольку и тело, и «душа» планируются и порождаются механизмами власти и именно в качестве воображаемых убежищ от системы «всеподнадзорности». Может быть, стоило бы так-

же отметить значение российского исторического опыта для идеи «дисциплинарных пространств» Фуко¹.

Осознанию того, что неким дисциплинарным пространством, топосом, местом является сама метафизика, способствует Жак Деррида, появляющийся на обозначенной выше сцене переводного «свадовства» — вторым. Теперь ключевым для проблемы адекватного понимания стал неологизм *différance* (различАние), означающий двоякую деформацию пространства и времени как опор восприятия и осознания. «Иначе говоря, различАние — это промедленность, отсроченность, постоянное запаздывание во времени и отстраненность, смещение, разбивка, промежуток в пространстве» (С. 162). Проблемы различия превращаются в основу таких привычных вопросов, как общество, национальное государство, демократия — во всех этих случаях концептуальная связка-противоречие между единством и множественностью сразу же указывает на их принципиальную неразрешимость. Возникает своего рода «идеал внятности», утверждающий не множественность как таковую, а гетерогенность, предполагающую различие, разделенность как условие отношений между людьми. Однородные же единства, принимающие вид органических целостностей, внутри которых не остается места для ответственности, личных решений, этики и политики, опасны. Основной пункт рассуждений Деррида, согласно Автономовой — невозможность быть в единстве с самим собой. Любая идентичность — это саморасчлененность и дифференциация. И для существования сообщества нужно умение вычленять себя и другого как «абсолютно другого».

Деррида, сквозь призму Автономовой, в поисках «инфраструктуры несистематической мысли», демонстрирует, как теория определяется не только методом, но и предметом, даже если он еще и не сложился в знании. У него нет своего объекта в том смысле, в каком это были ритуал и миф у К. Леви-Стросса, литературные произведения и феномены массовой культуры у Р. Барта или история у М. Фуко. Его материал — это «языковые обнаружения философии». При этом за феноменальным уровнем этого языкового материала он обнаруживает метаязыковой предмет. «Если взять язык “как он есть”, то мы увидим систему достаточно устойчивых и заранее заданных категориальных расчленений, навязываемых языком всякой мысли (например, систему бинарных оппозиций типа присутствие — отсутствие, белый — черный и т.д.). Если же взять философию “как она есть”, то она должна будет раскрыться перед нами как самодостаточная и самообоснованная система устоявшихся категорий. Деррида рассматривает и язык, и философию в особом повороте, где за языком и в языке просвечивает то, что можно было бы назвать чистым “письмом”, а за “полнотой присутствия” объекта в философии обнаруживаются “различия”, “следы”, “про-граммы” и т.д. и т.п., образуя сами условия возможности акта мысли, означения, смыслополагания» (С. 175).

За занавесом слышна мягкая поступь, кажется, даже не переодетшего домашние тапочки Зигмунда Фрейда. Руки — не руки, но всего

остального от советской России 1920-х годов он вполне успешно добился, хотя позже и получил решительную идеологическую отставку, и теперь сам вводится за руку — нет, не Юнгом, а своим верным французским последователем Жаком Лаканом. Собственно, сначала, в четвертой главе «Бессознательное структурировано как язык», согласно внутренней логике книги, Лакан выступает самостоятельно, будучи в области познания символа скорее продолжателем Гегеля и Кассирера. О втором пришествии в Россию отца психоанализа речь идет в пятой главе «Фрейд, Лакан и другие: в спорах о теории и практике психоанализа». При этом, как показали научные встречи, французы пришли в изумление от того иррационального контекста, в котором расцвел у нас текущий интерес к душе, телу и бессознательному, приобретая оккультный, магический характер, к чему трезвый, хотя и увлекающийся ум француза может относиться либо иронически, либо сочувственно, как к проявлению душевной болезни общества.

Как философ Наталия Автономова далеко не всегда является сторонницей идей переведенных ею авторов. Во втором разделе книги «Познание, рецепция, перевод» она выступает, с одной стороны, за адекватность передачи их смыслов, с другой — за уместную вписанность этих смыслов в российский контекст. «Эстетических экспериментов на российской земле, — полагает она, — всегда было в избытке, а понятийной мысли — не хватало». В частности, творчество Деррида было не столько фонтанированием литературного таланта, сколько реализацией поистине каторжного труда концептуально-критического замысла. Автор выражает надежду, что острая, цепкая, отточенная мысль философа будет участвовать в создании профессионально зрелого философского сообщества.

Обозревая карту нынешнего философского перевода, Автономова скептически оценивает попытки Елены Гурко связать не переводимый, а выдвигаемый в качестве элемента сакрального языка термин *différance* с традициями русского имяславия. Подлинным же переводческим антигероем, эдаким сватом-соблазнителем из упомянутой «Женитьбы», предстает ставший в последние годы весьма модным переводчиком Деррида Дмитрий Кралечкин, порождающий педалированием «безумия» и безотчетной «игры» переводимого философа «новых метафизических монстров». «Кажется, он видит на месте мысли одно только руководство к действию. И это — печальный русский обычай. Так некогда читали Маркса, не думая, что Маркс — это тоже движение интеллектуальной традиции» (С. 433 — 434). Не лучше тенденция прямо противопоставить утерянной идеологической опоре новую — фрейдистскую. При этом в истории есть немало примеров, когда в процессе перевода сам язык, прежде литературы как таковой, становился объектом культурного творчества. Особую роль в этом процессе сыграло освоение европейского романтизма — именно на российской почве он, по словам Густава Шпета, «превращался из чувства в философскую задачу» (С. 518).

Перевод, по мнению Автономовой, первичен по отношению к диалогу, являясь условием его возможности, а не наоборот. Ведь любой диалог возникает лишь при наличии общего языка, для выработки которого и нужен перевод. Коммуникация также является частным случаем перевода (именно перевод позволяет ввести в процесс коммуникации динамику интерпретации, взаимодействие семиотических систем).

Непосредственный диалог невозможен, как невозможно и непосредственное чтение. Всякое стремление опереться на так называемое непосредственное сознание иллюзорно. Ведь Маркс, Ницше, Фрейд, ссылаясь на Автономову, уже научили разоблачать уловки такого ложного сознания. Рефлексия как процесс перевода символических пластов культуры в формы более строгого знания усиливает отчуждение и требует «ресимволизирующей» подпитки. «Перевод как культурная практика рефлексии, осуществляемой в постоянном контакте с мыслью, выраженной в другом языке, способствует расщеплению идеологических кристаллизаций. И прежде всего — тех склеек между формами и содержаниями родного языка, которые нередко приводят к гипертрофированию идеи самоценности самобытного и становятся отправной точкой для более жестких идеологических построений» (так что философично настроенный Подколесин опять в ужасе убегает).

На месте утопического всеобщего языка точнее будет представить бесконечную сеть всеобщего перевода. В (анти)Вавилонской библиотеке мир предстает как бесконечно разветвленная сеть переводов всех произведений на все языки. Своеобразную «этику перевода» Наталия Автономова видит в отказе от «своецентричного» присвоения и в готовности к совместным действиям на основе фактического, а не только вербального признания Другого. Однако сфера совместных действий оговорена только как переводной диалог России с Западом. Между тем, наша школа перевода с восточных языков тоже богата. Порождает ли она свои философские смыслы?

В целом же значение книги заключается в осознании перевода как основы нашей языковой идентичности. А из языка не выпрыгнешь, его можно только дополнить другими.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Люсый А.П. Нашествие качеств: Россия как автоперевод. — М., 2008. — С. 106 — 107.